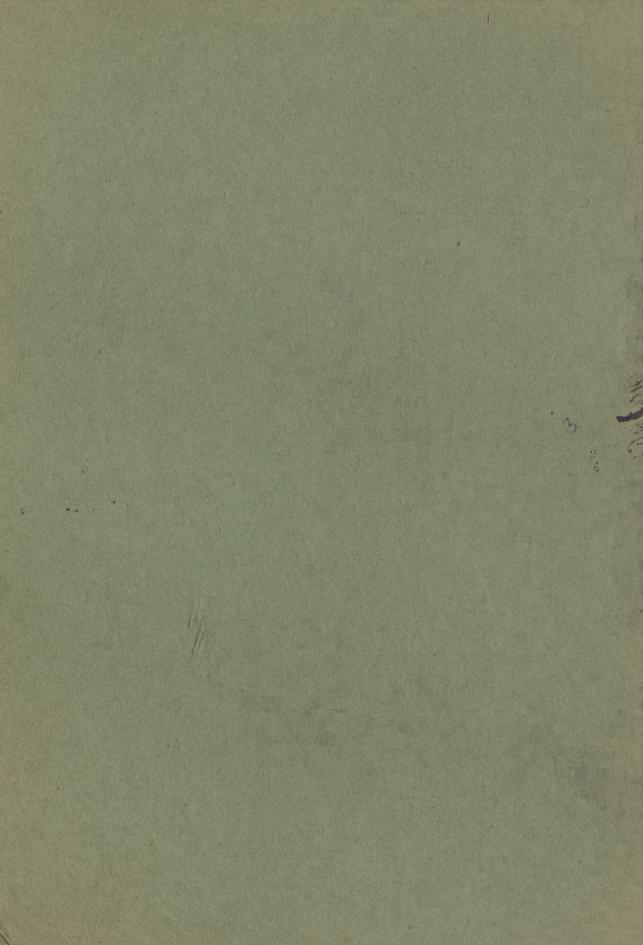
"Общими Силами"

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Декабрь 1916 г. № .

ЁКАТЕРИНБУРГЪ. Тип. т-ва "Уральскій Край". 1916 г.

"ОБЩИМИ СИЛАМИ"

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

УЧЕНИЦЪ 1-Й ЖЕНСКОЙ ГИМНАЗІИ, ВЪ ЕКАТЕРИНБУРГЪ.

№ 4-й.

1916 г.

СОДЕРЖАНІЕ: 1.) "Ночью"—стих. Ансака. 2) "Впечатлѣнія отъ посѣщенія фабрики". 3) Пямяти убитаго Б. Н. С."—ст. Де-Моп. 4) Жизнь, правда и ложь"(посвящается Д. Н. Толстому. 5) "Тихо, безропотно гаснетъ природа... "ст. Несмъяновой. 6) "Зина—Карандашикъ. 7) "Пѣсенка", 8) "Орленокъ—ст. Ольги. 9) "Постепенный духовный ростъ русской Женщины" (по романамъ Тургенева)—Катагощиной. 10) Почему все поетъ и ликуетъ въ душъ ... ст. Hесмъяновой. 11) "Сказка—Pyca.12) Торжество правосудія — Pydpa. 13) "Смъхъ" Cверикъ. 14) "О великомъ значеніи воды". 15) Критика на "Письмо" 16) Хроника.

ночью.

Ужъ близился разсвътъ. Вдругъ яркою стръ-

Промчалася надъ темною землею Падучая звъзда. И жгучею слезою Исчезла на востокъ, за чертою. Увы, она погибла безполезно: По-прежнему сіяющая бездна Была спокойна, радостна и звъздна.

Ансака.

OF A MARIO WILLIAM STATE OF A MANDE WOLD OF A MANDE WOLD OF A A Впечатлънія отъ посъщенія фабрики.

Шумно, весело, разсыпавшись по тротуару, движется толпа гимназистокъ. Дъло въ началъ ноября, оттепель, день сфренькій, сніжокъ порошить, итти скользко.

Но идется особенно бодро и весело послѣ нѣсколькихъ часовъ сидѣнья на

партв.

"Куда это ихъ поперло" слышится порой замъчание какого-нибудь неинтеллигентнаго пролетарія. "На фабрику", "фабрику осматривать", раздается нъсколько молодыхъ, быстро удаляющихся голосовъ.

Миновали главныя улицы, прошли площадь, прошли и послъднія учицы вышли за городъ, вотъ и фабрика не, далеко. Предъ глазами выросло большое, нъсколько грязноватое на видъ зданіе, съ клубами дыма, выбрасываемыми изъ огромной трубы. Попадаются на встръчу кучки женщинъ, возвращающихся съ работы съ усталыми, но оживленными удовольствіемъ предстоящаго отдохновенія лицами. "Ишь работать идуть, насъ замінять", слышатся шуточныя фразы. Подошли къ фабрикъ. Массивныя ворота открыты настежь,

надъ воротами вывъска: «Фабрика бр. М—хъ». Заходять во дворъ. Масса рабочихъ, мужчинъ и женщинъ, стоять въ шеренгу около конторы "за получкой". Останавливаются гимназистки на дворъвъ силу необходимости: завъдующій экскурсіей пошель справиться въ конто-

ру объ осмотръ фабрики.

Два элемента, — учащіяся и рабочіе, сталкиваются, оба внимательно разсматривають другь друга; учащіяся нерѣшительно жмутся къ сторонкѣ, рабочіе глядять непріязненно, держать себя непринужденно, говорять рѣзко. Слышатся ядовитыя рѣчи усталыхь, измученныхъ работой людей съ исхудалыми корпусами, впалыми грудьми, изможденными лицами. "Ишь вѣдь какія свѣженькія, заставить бы поработать здѣсь, дня черезъ два такими же, какъ мы, бы стали", раздается одинъ голосъ.

"Воть бы заставить поработать". "Заставить бы поработать", "Поработать бы заставить", понеслись фразы одна за другой, каждый рабочій, посмотрѣвъ на учащихся, повторяль это, но повторяль не съ другуми, повторялось не хоромъ, а по одиночкъ, слова неслись глухо. тяжело дъйствовали на слухъ, слова людей, быющихся изъ-за куска хлъба ни ударяли по нервамъ, и чуткіе нер-. вы учащейся молодежи вибрировали въ онъ. Оживленіе исчезло. Чувствовалась, неловкость. Но вотъ можно итти въ самое зданіе; огромное, оно поглотило какъ бы экскурсантокъ съ момента переступленія черезъ его порогъ. Гулъ грохочущихъ машинъ, высокая температура воздуха, быстрыя сосредоточенвыя движенія рабочихъ все это съ перныхъ шаговъ стушевало сцену во дрорѣ, дѣйствовало первоначально подавляюще на психику свеею новизной. Всъ гимназистки шли вмъстъ, чувствовалась въ каждой осторожность не задъть чего-нибудь, не попасть въ колесо какой-нибудь машины. Лица были серьезны, слышались порой тревожные голоса: "Осторожнве». Но и это скоро исчезло. На лицахъ появилось возбужденіе, рожденное интересомъ. У ніжоторыхъ явилось возбуждение рожденное вдохновеніемъ; чувствовалось: это онъ въ своей стихіи; быстрая ръшитель ность въ походкъ, стремление заглянуть вездъ, о всемъ распросить, лицо, сіяющее удовольствіемъ, больше торжествомъ-все это говорило за то, что грохотъ машинъ возбуждаетъ ихъ; многія полходили къ рабочимъ, заговаривали.

Рабочіе съ удовольствіемъ все показывали, разъясняли. На вопросы: "Тяжело ли?"

"Какъ платятъ?", "Сколько часовъ работаютъ", отвъчали: "Тяжело, копотно". На плату жалобы были, правда не многія. Одна только работница, молодая, сильная, здоровая, недавно поступившая на фабрику (какъ она сама сказала) заявила: "Нетяжело мнв, и платять хорошо, спервоначалу только шумно больно, ничего не слышно". Нъкоторые рабочіе были особенно довольны, если съ ними заговаривали. Настроеніе, царившее въ зданіи было полной противоположностью настроенію на дворъ. По всей в вроятности, въ зданіи каждому рабочему хотвлось хоть на нъсколько минуть оторваться отъ работы, требующей вниманія, полной сосредоточенности и тъмъ утомительной. Но конченъ осмотръ фабрики. Перепачканная, оживленная высыпаетъ толпа гимназистокъ во дворъ. "Пора по домамъ", "Всть хочу", слышатся голоса.

Пошли. Скоро фабрика осталась да-

леко позади.

day your land

Памяти убитаго Б. Н. С.

Томительной болью, какъ сталью холодной, Мнѣ врѣзалось въ умъ то число; Надъ ранней могилою плитой надгробной На душу оно налегло...

> Седьмое іюня... Былъ вечеръ румяный, Кустами шумълъ вътерокъ иногда, И блескъ свой прощальный слалъ западъ багряный На тучекъ прозрачныхъ и легкихъ стада.

Надъ тихою рѣчкой, что долгіе годы Лишь пѣсни пастушьей слыхала слова И плавно несла свои свѣтлыя воды, Шла битва, и крови лилася волна.

Пла оитва, и крови пилася волна.

Тамъ русской пѣхоты безстрашная рота
Сражалась съ тѣснившимъ отвсюду врагомъ,
За русскую честь, за свободу народа,
За знамя полка умирая съ крестомъ.
Все меньше въ пустѣющемъ строѣ стояло,
Все больше лежало на смятомъ лугу...
"За мною! Умремъ иль пробъемся мы смѣло!"

Ихъ юный поручикъ вскричалъ на бѣгу.
И дрогнули нѣмцы, назадъ отступая,
И наши солдаты пробились къ своимъ,
Лишь ихъ командиръ, кровью лугъ обагряя,

Упалъ, тяжкой раной томимъ.
Смерть скоро смежила ему его очи,
И сердце остыло въ груди,
И мракомъ холоднымъ могилы и ночи
Закрылся свътъ юныхъ надеждъ впереди.

Когда жъ долетъло до нашего дома
То имя героя средь павшихъ солдатъ,
Узнала я въсть, что, какъ грохотомъ грома,
Меня поразила: то умеръ мой братъ...
Седьмого палъ братъ мой... И сталью холодной
Мнъ връзалось въ умъ то число:

Мнѣ врѣзалось въ умъ то число; Надъ ранней могилою плитой надгробной На душу оно налегло...

Де-Монъ.

Жизнь, правда и ложь (Посвящается Льву Николаевкчу Толстому).

Однажды, но въ точности, право, не знаю когда, ибо это могло случиться десятки, сотни лътъ назадъ, но могло быть и въ нынъшній годъ, въ маленькой земляной ямкъ лежала гусеница, толстая, неуклюжая, некрасивая...

Однако она не представляла ръзкаго контраста съ окружающей дъйствитель

ностью, потому что вокругъ нея все было также грязно, некрасиво... Бѣгали вокругъ какія-то насѣкомыя, маленькія, едва замѣтныя, всецѣло занятыя хлопотами дня, заботами о собственномъ пропитаніи... Видѣла гусеница червей, возбуждающихъ видомъ своимъ отвращеніе, подтачивающихъ корешки малень-

кихъ травокъ и корни большихъ деревьевъ. Навозъ лежалъ невдалекъ гусеницы, издавая свойственный ему запахъ. Свѣжее, здоровое существо, проходя мимо, отворачивалось, чтобъ не слышать отвратительнаго запаха, зато большія зеленыя мухи, съ зелеными отливающими на солнцъ крыльями и маленькія роями носящіяся мошки не покидали этой кучи навоза. Было ли имъ пріятно быть здісь въсилу условій, заложенныхъ въ чихъ самой природой, или нужда побуждала ихъ къ этому? Какъ знать? неизвъстно. Лежала гусеница на боку, лежала долгое время, не шевелясь и все глядя на окружающее. Ни солнца ни неба не видно было гусеницъ; заслонялись они отъ нея то камнемъ, поросшимъ мохомъ, то выдавшимся бугромъ земли, а глазки у гусеницы были маленькіе и съ трудомъ бы разсмотръли отдаленные предметы. Только вотъ, когда гусеница находилась въ обычномъ своемъ положении, налетълъ сильный порывъ вътра, многое поломалось, изм'внилось подъ его напоромъ. Задълъ онъ, можетъ быть, случайно гусеницу, поднялъ ее высокопонесъ, а затъмъ оставилъ лежать гдъто на спинъ. Для послъдней положение было настолько непривычно, что она долгое время боялась открыть глаза. Когда же осмълилась посмотръть вокругъ себя, то увидъла, что кругомъ было темно, а вдали изъ-за лъса, по небу поднималось что-то серебристое. Это была одна изъ ночей, -- ночей дивно величественныхъ, чудно красивыхъ, возбуждающихъ и подавляющихъ одновременно своимъ безмолвіемъ, въ которомъ одномъ столько чарующей силы. Не спится въ такую ночь. Какъ бы ни усталъ за день, проснешься, встанешь, подойдешь къ окну, выходящему въ темный, словно зачарованный откроешь окно. Опьяняющій аромать цввтовъ врывается въ окно. Стоишь. Мыслей нъть въ головъ. Глядишь, слушаешь, дышишь, и ничего больше. А по. томъ захочется въ открытое поле-Быстро выходищь въ садъ.

Тихо все кругомъ. Ни одинъ цвътокъ не шелохнется на деревъ, мертвыми силуэтами кажутся и сами деревья. Коегдѣ виднѣются свѣтляки, безшумно проносятся ночныя бабочки, рѣють летучія мыши...

И хоть бы звукъ кругомъ... Все спитъ, а, кто не спитъ, старается не нарушать покоя.

Выходишь въ поле. Тихо и здѣсь. Колосья склонили свои верхушки и дремлють, только, когда ихъ пошевелить ночной зефиръ, они наклоняются, шепнуть что-то другъ другу и опять ногрузятся въ дремоту.

Быстро идешь по дорогв. Вокругъ тебя растилаются безконечныя поля, тянутся нивы, смвняемыя лугами. Небо, поле да ты, и ничего больше. Но чувствуещь, что нарушаешь общую гармонію, человъкъ долженъ уйти отсюда, человъкъ здъсь не у мъста.

Непріятное, подавляющее чувство. А ночь торжественная, какъ служеніе божеству, красивая, какъ пѣснь во имя божества, величественная, какъ само божество, попрежнему передъ тобою...

Такая ночь лежала надъ землей, когда гусеница осмотрълась. Что-то лежащее въ глубинъ ея маленькаго "я" шевельнулось.

Когда же наступило утро, съ нимъ солнце взошло надъ полями, заиграло золотистыми лучами, переливающимися огнями въ серебристыхъ капелькахъ росы; странное что-то случилось съ гусеницей.

Противны ей стали прежняя ямка бывшее прозябаніе, свое некрасивое, неуклюжее тѣло, и въ то же время тянуло ее куда-то страстно, чего-то хотѣлось. "Чего-же" съ тоской подумала она. "Жизни", быстро пронеслось въ ея головъ. И въ ту же минуту солнце освътило ее, неуклюжая оболочка спала, въ красивую бабочку она обратилась, вспорхнула и потонула въ лучахъ солнца.

II.

Прелестная бабочка неслась въ воздухъ Она всъмъ своимъ маленькимъ тъльцемъ воспринимала солнечные лучи. Безконечно хорошо было ей.

Когда она уставала, она опускалась на одинъ изъ безчисленнаго множества цвътовъ, упивалась ароматомъ цвътка, а то, свернувъ свои крылышки, прижи-

малась къ цвътку и такъ оставалась до твхъ поръ, пока лучъ солнца, упавшій прямо на нее, не заставлялъ ее развернуть крылышки и потонуть въ прозрачномъ воздухв. Только вотъ, направляясь быстро къ выбранному ею цвътку, она не чаянно задёла своимъ крылышкомъ о сухую вътку завядшаго растенія. Крылышко надорвалось.

Нестерпимую боль почувствовала бабочка. Она опустила больное крылышко, а здоровымъ безпомощно махала въ воздухв. Силы ее покидали. Она думала, что сейчасъ упадетъ на землю и

тамъ навсегда погибнетъ

Но въ этотъ моментъ мимо проносилась другая бабочка, она замътила несчастье подобнаго ей существа, подлетвла къ бабочкв и сказала: «Положи больное крылышко на мое крыло, и полетимъ вмѣстѣ». Спустя нѣсколь-ко мгновеній обѣ бабочки сидѣли на нвъткъ. III A WARREN OF

Подкрипленная ароматомъ цвитка, быстро оправилась больная бабочка. Подруга ее оставила. Когда же бабочка почувствовала себя совсвмъ хорошо, то солнце клонилось уже къ вечеру. Бабочка замътила вдали ленту, тянущуюся по земль. Это была ръка. Полетъла бабочка туда и увидала то, чего еще ни разу не видала: это была часть ръки, состоящая изъ омутовъ; вода какъ бы не текла здъсь вовсе. Плакучіе кусты ивняка низко наклонились къ водъ, густой камышъ покрывалъ берега. Часть водяной поверхности была покрыта растеніями. Среди нихъ особенно выдёлялся своей красотой одинь: нъжнаго серебристаго цвъта, онъ имълъ просторную чашечку, края которой были покрыты капельками, блестящими на солнцъ. Утомленная продолжительнымъ

перелетомъ, бабочка полетвла къ цввтку, чтобы отдохнуть на немъ Она опустилась на край чашечки, набралась соку цвътка, хотъла уже вспорхнуть и полетвть, но къ ужасу своему почувствовала что ножки ея прильнули къ чашечкъ цвътка: цвътокъ оказался изъ семейства тахъ, которые питаются насъкомыми. Бабочка въ свой кратковременный въкъ не успъла узнать о существовании такихъ цвътовъ, да и дико бы показалось ей: цвътокъ, своимъ сокомъ питая ее, даеть ей жизнь, и онъ же ее повстъ. А между твив это было такъ. - Чашечка цвътка начала мелленно засасывать въ себя бабочку. Последняя почувствовала, что она умираетъ. Все, что въ эту минуту наполняло ее маленькое существо, вылилось въ ея послъднихъ словахъ. Ея слова-это пъсня-пъсня въчно старая и въчно новая, пъсня-стонъ, вырывающійся на границъ жизни со

Вотъ она эта пъсня:

Пъсня умирающей бабочки.

Я умираю! Да! Прости о жизнь короткая прекрасная, И солнце, и цвъты, и ширь луговъ, прости!

Я умираю!.. По прихоти природы явилась къ бытію я.

Грязь жизни, пошлость прозябанья прошли передо мною.

Мощною силой своею стихія Къ жизни прекрасной меня обратила, Мнъ прелесть жизни солнце указало, Другая бабочка на правду натолкну-

Цвътокъ существовать возможность далъ,

И только онъ одинъ солгалъ...

* *

Тихо, безропотно гаснетъ природа, Желтые листья роняя въ тоскъ, Только березѣ жаль съ солнцемъ разстаться: Плачетъ и стонетъ она въ тишинъ... Гнется подъ натискомъ вътра, вътвями Силится листья свои защитить... Грустно поетъ о веснъ, улетъвшей, Скучно холодною осенью жить... Строго внимаетъ суровое небо. Въ саванъ съромъ, сотканномъ изъ тучъ; Съетъ въ раздумьи холодныя слезы, Гонитъ послѣдній ласкающій лучъ. Только изъ травъ, межъ цвътовъ, увядающихъ, Бѣлая астра съ тоскою глядитъ; Бѣлая астра-осенняя роза, Въ вътра порывахъ, колеблясь, дрожитъ... Хочется плакать мнѣ; горькія слезы Душатъ и давятъ упрямо въ груди... Вътеръ шумитъ; тихо листья летаютъ... Такъ безпросвътно, темно впереди.

ЗИНА.

Стоялъ жаркій іюльскій день. Всв дачники живописнаго многолюднаго мъстечка М. сившили уйти куда-нибудь, въ лъсъ, въ поле, въ тънистыя аллеи своихъ садовъ. На верандъ красивой удобной дачи Рославлевыхъ сидела дввочка лътъ тринадцати, въ свътломъ матросскомъ костюмъ, передъ ней лежала раскрытой французская грамматика. Но мысли дівочки, казалось, витали гдівто-далеко далеко отсюда. Тамъ въ твни акацій играли ея товарищи, два мальчика въ свътло-сърыхъ лътнихъ костюмахъ, а около нихъ лежалъ, лъниво поворачиваясь иногда, большой сенбернардъ Дикъ. "Какая скука", устало протянула дівочка "а-а-а" и она продолжительно зъвнула. "Ахъ, Боже мой! вдругъ послышался въ дверяхъ чей-то

голосъ "Зина, ты опять ничего не дълаешь, ну скоро ли ты отвътишь мнъ все то, что тебъ задала на завтра Учительница". "Такъ я и стала отвъчать вамъ, мама, ждите. Эти мальчишки играють, а я сиди здёсь въ обществъ отвратительныхъ французскихъ глаголовъ. Merci beaucoup. Я еще не сошла съ ума" послышался. недовольный отвътъ, и французскіе глаголы съ шумомь полетѣли за веранду. Много разъ видъвшій эту сцену, спокойный Дикъ лѣниво поднялся со своего мъста и побрелъ къ несчастной брошенной книжкой. Онъ взяль ее въ зубы и, поднявшись на веранду, осторожно положилъ книгу на стулъ "Зина, что за выраженія? гдъ это ты наслушалась? твои кузены очень симпатичные мальчики", и мать Зины

Екатерина Павловна Рославлева указала глаз: ми на мирно игравпихъдътей, "Лида тоже очень симпатичная дъвушка," продолжала она "и откуда это утебя эти некрасивыя мальчишескія замашки, этотъ грубый тонъ, удивляюсь, право:..

"Я и сама не знаю откуда!" громко засмъявшись, крикнула дъвочка и быстро сбъжала въ садъ. "Ловите теперь, мамаша, вътра въ полъ!" еще разъ крикнула она, еще разъ мелькнули гдъто въ тѣни зелени двъ темныя длинныя косы, и все вошло въ свой прежній обычный порядокъ. Между тъмъ, эта странная дівочка быстро неслась кудато впередъ, напъвая звонкимъ голосомъ: "Впередъ безъ страха и сомнънья на подвигъ доблестный, друзья! "Зарю святого возрожденія ужъ въ небесахъ завидълъ я подхватилъ за ней чей то голосъ, и двъ сильныя руки высоко подняли ее на воздухъ. "Ахъ папа, какъ ты меня напугалъ! . скоръе радостно, чъмъ испуганно произнесла дъ-.Спусти, меня спусти!" Куда это ты, егоза, неужели мама отпустила, значить, сегодня все благополучно! сказалъ Рославлевъ спуская свою "егозу" на землю. "Сегодая, какъ всегда, полковникъ" громко отрапортовала дъвочка: "французкіе глаголы тью, тью, п летвли за веранду, мама сердится, надутые кузены чинно сидять подъ акаціями, а я лечу туда, гдв меня нвть, но не сердитесь, господинъ полковникъ, меня зоветь къ себъ долгъ, меня ждутъ, бъгу!" "Но куда жъ ты, Зинокъ" разочарованно произнесъ полковникъ.

"По дъламъ службы, ваше благородіе" донесся до него откуда-то издалека голосъ дъвочки. Рославлевъ тихо улыбнулся и пошелъ по направленію дома.

А Зина. какъ вихорь, вылетѣла изъ калитки сада, вытащила изъ подъ какогото дерева матросскую фуражку и теперь уже тихо, чинно пошла по направленію сосѣдней дачи. "Воля, Сережа, Жоржикъ!" крикнула она, подойдя къ саду чужой дачи. Почти одновременно раздались три свистка, и три головки въ матросскихъ шапочкахъ показались надъ стѣной. "Ну что тебя долго не было, Зина? гдѣ ты была? что дѣлала? мы тебя очень долго ждали, какая ты,

право, неаккуратная." "Не могла, господа, была то я дома, ну да не въ этомъ дъло, сегодня я не могу съ вами быть." "Это почему же? "спросили нъсколько удивленные голоса". "Сегодня я должна итти къ Лидъ, непремънно должна, я у ней ужъ съ недълю не была твердо произнесла дъвочка. "А ты ужъ насъ начинаешь на девчонокъ мвнять, скоро, пожалуй, въ куклы заиграешь?" насмъшливо спросилъ Жоржикъ старшій изъ трехъ мальчиковъ. "Т-ссъ" презрительно протянула Зина "скорже вы пойдете къ моимъ кузенамъ въ кубики играть. Ну-съ до свиданія, тороплюсь." И девочка, гордо поднявъ головку, пошла прочь. Но не сдълала она и трехъ шаговъ, какъ въ ея волосахъ ужъ запуталось нъсколько репейныхъ шишекъ. "Это, судари, не останется безъ награды" насмѣшливо крикнула Зина и быстро вошла въ калитку противоположной небольшей дачи. "Дома барышня? спросила она у проходившей мимо прислуги. "Дома, у себя, послыщался отвътъ и Зина спокойно направилась къ домику Она прошла двъ комнаты и вошла въ третью маленькую, узенькую, очень скудно меблированную комнату. За столомъ, у окна сидъла молоденькая дввушка, лвть семнадцати, передъ какой-то раскрытой книгой. "Лида, здравствуй!" сказала Зина, подходя къ дввушкв "Ахъ какую мнв массу надо разсказать тебъ! быстро заговорила она "Слушай", и Зина, подробно разсказала ей всв свои сегодняшнія шалости и проказы, разсказала, какъ вчера, прослоила своимъ любезнымъ братцамъ котлеты перцемъ и горчицей такъ, что они весь объдъ сидъли красные, какъ раки, "И такъ чихали", закончила она "такъ чихали, что мама даже подозрительно посмотрвла на нихъ, но они, должно-быть подумали, что во всемъ виноватъ поваръ, и, не желая двлать непріятностей, съвли свои котлетки, а мама, какъ-будто нарочно:" "Кушайте, дъти, Мишель, не хочешь ли еще котлетку, не подлить ли тебъ соусу, Гриша?" "Ахъ какъ было весело!" "Ничего нътъ веселаго строго перебила дъвочку Лида "тебъ весело, а имъ то каково? и потомъ, Зина, мнъ совсъмъ

не нравится то, что ты не готовишься къ переэкзаменовкъ. Папа къ вамъ прівхаль не на долго, онъ скоро снова увдеть на войну." "И мы съ нимъ" перебила ее Зина-, ну положимъ и вы съ нимъ, но въдь тебъ надо учиться, пойми, пріятно ли ему будеть, если ты останешься на второй годъ"? «Онъ ничего не скажеть » снова перебила дъвочка. «Да правда, тебя очень балують, конечно, тебъ ничего не скажутъ, но развъ ему будетъ это пріятно, подумай только! Ты сейчасъ ничего не желаешь дълать, бъгаешь съ мальчиками, забыла совствить меня, развт это хорошо? Ну ты останешься на второй годъ, будешь учиться съ новыми чужими дъвочками, ты ужъ не найдешь своихъ прежнихъ подругъ.» «И, и. и мамаша, хватитъ вамъ читать мив наставленія, конечно, пожалуй, ты и права, «одно плохо: не хочется съ чужими дъвочками учиться»—Да кстати и твои теперешніе товарищи будуть смъяться надъ тобой, въдь Сережа и Жоржикъ первые «учиники» «Ну тогда имъ ужъ такъ достанется, такъ.» «Ну пожалуйста, не волнуйся. Зина, а давай почитаемъ вмъсть Джерома", скучно, лъниво протянула Зина, но все же, усъвшись на подоконникъ, начала слушать скучнаго Джерома, который ей почему то сегодня нравился. Въ восемь часовъ вечера Зина возвращалась домой вмъсть съ Лидой. На другой день Зина почему то не торопилась иттикъ своимъ друзьямъ, а послада имъ только не больщую лаконическую записку. «Прошли золотые денечки! Я засъла за уроки, буду только въ пять часовъ. Ждите. Зина».

Глава II.

Настала осень. Зина, изъ—за своей переэкзаменовки, уже давно—была въ Москвъ. Родители ея уъхали на Кавказъ, гдъ стоялъ полкъ полковника Рославлева, а дъвочка жила пока у своей тети Валентины Павловны. Р. Выдержавъ переэкзаменовку она должна была съъздить вмъстъ съ Валентиной Павловной на Кавказъ, а потомъ снова вернуться въ Москву. Зина очень тосковала одна, безъ своихъ дачныхъ

товарищей, безъ своего веселаго отца "Ну скоро ли, тетя, скоро мы повдемъ къ нимъ?" спрашивала она у Валентины Павловны "Какъ выдержишь переэкзаменовку", былъ ея всегдашній отвътъ. "Ну, а если не выдержу," допрашивала Зина . тогда что? . "Ну тогда не повдемъ" смъясь говорила Валентина Павловна. "Тетя, въдь ужъ скоро. Переэкзаменовка назначена десятаго августа а сегодня уже седьмое." "Черезъ три дня, голубчикъ весело сказала тетя. "Да тебъ хорошо говорить-то, а я боюсь. "-, Зиночка ты боишься, ну что бы сказалъ пана, его храбрая дочка и вдругъ, стыдъ какой!" "Тетечка милая, я право не знаю, что со мной творится. Я все выучила, все знаю, а вдругъ провалюсь?" Ну, ничего, сойдетъ" услокаивала Валентина Павловна дівочку. "Я увърена, что ты выдержишь." "Тетя, я сейчась гулять пойду, вдругь ръшила Зина и, быстро соскочивъ съ мъста, побъжала въ свою комнату.

"Маша одъвайся, сейчасъ гуля в пойдемъ" кричала она на ходу горничной. Минутъ черезъ двадцать, Зина ужъ была на улицъ. "Маша, не знаешь сколько сейчасъ времени?". "Не знаю, барышня" созналась горничная. "Какъ жаль, что у меня нътъ часовъ", подумала дъвочка. Погулявъ съ полчаса, Зина ръшила, что и тутъ скучно, что пора домой. Дома, она не зная, что дълать, тихо бродила изъ угла въ уголъ, ея прежняго веселаго голоса или смъха ужъ давно никто не слышалъ. Прежней Зины нельзя было узнать. Наконецъ, на-

ступило девятое августа.

"Завтра" подумала дѣвочка "Завтра!" Она вяло взялась за французскую грамматику, но, прочитавъ нѣсколько строкъ, съ сердце ъ швырнула ее въ уголъ. Дика по близости не было, и Зинѣ самой пришлось поднять книгу. Дѣвочка подошла къ окну, уныло посмотрѣла на улицу, а потомъ снова возвратившись на свое прежнее мѣсто, сѣла въ кресло и начала мечтать. Сначала она думала о предстоящей переэкзаменовкѣ, потомъ о скоромъ свиданіи съ родителями и, наконецъ, о томъ, что ей подарятъ папа съ мамой. "Зиночка, или, голубчикъ, спатъ", услышала она голосъ

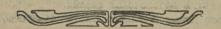
тети: "уже девятый часъ, завтра немного повторишь еще что-нибудь, а теперь иди, спи". Зина повиновалась, она пришла въ свою комнату, медленно раздълась, простилась съ тетей и юркнула подъ одъяло. Черезъ полчаса Зина уже спала кръпкимъ спокойнымъ сномъ На лругое утро къ восьми часамъ Зина уже была готова, и, наскоро выпивъ чашку чаю, она поцёловала тетю, попросила ее не приходить за ней въ гимназію и, взявъ въ руки французскую грамматику, быстро вышла изъ дома. Въ гимназіи все было по прежнему: тотъ же шумъ, та же суета. Зину это немного удивило. "Неужели они спокойны, не боятся, о какъ бы я хотъла также шумъть и прыгать" подумала дъвочка. Раздался звонокъ. "Въ классъ, въ классъ, по мъстамъ", слышались кругомъ голоса классныхъ дамъ. Зина вошла въ классъ, по срединъ безконечно-длинный зеленый столъ, на немъ огромная чернильница, около нея ручки, неподалеко лежитъ журналъ. По одну сторону стола все стулья, кресла, кресла, стулья. Господа, я слышала ассистентовъ видимо -невидимо будетъ" кричала какая-то дъвочка съ огромнымъ бантомъ сзади. "И сынъ нашего директора будетъ, знаешь, Иванова, обратилась она къ какой-то рыженькой девочке: "это тоть, котораго мы вчера, около гимназіи встрътили, весь въ сфромъ, въ бфлой шляпф. помнишь". И гимназистки весело, оживленно заболтали въ полголоса. "Вы изъ какого класса!" обратилась къ ней какая-то незнакомая классная дама. "Изъ четвертаго"-, такъ это седьмой, четвертый тамъ противъ лъстници". Теперь только поняла Зина, что она забрела въ чужой классъ "Стыдъ какой" думала она, спускаясь внизъ. "Напротивъ лъстницы", сказала она, и подумала дъвочка "значитъ, здъсь, но дверь заперта, Господи, неужели ужъ "всв" тамъ?" Зина осторожно раскрыла дверь. О ужасъ! Да "већ" были тамъ: вонъ директоръ, вонъ француженка, вонъ незнакомая дама, француженка спрашиваетъ Елизарову, у которой въчно передъ урокомъ

болела голова. "Ну ну входите, барыш ня" вдругь услышала она чей то незнакомый голосъ. Зина повернула голову; напротивъ ея передъ окномъ стоитъ какой-то господинъ, который весело киваетъ ей головой. Зина неловко вошла въ классъ, сдълала реверансъ и съла на ближайшую парту. "Кто это?" спросила она у сосъдки, указывая на господина, у окна. "Ассистентъ" шепнула ей дівочка. Воть такъ исторія, разгуливающій ассистенть, Зинъ почему-то стало ужасно весело. Дфвочекъ. безъ конца вызывали, вызывали, спрашивали и отпускали домой. Было много вновь поступавшихъ. "Рославлева" услышала она голосъ француженки. "Наконецъ-то". Сама, не замѣчая того, вслухъ проговорила Зина. Раздался всеобщій см'яхъ. Зина, краснъя, подошла къ столу, ее начали спрашивать. Сначала дъвочка путалась, сбивалась, потомъ стала отвъчать спокойнъе и, "когда ей возвратили свободу", какъ потомъ разсказывала Зина, то она чувствовала себя, какъ рыба въ водъ. "Тетя, тетя, я выдержала" кричала она, спустя два часа, вбъгая въ комнату Валентины Павловны. "Ну и отлично, поздравляю! Хочешь кушать, а то на вокзалѣ позавтракаемъ".

"Тетя, вы ангелъ, конечно не хочу, неужели теперь, сію минуту ѣдемъ" "можешь не раздѣваться", весело, сказала Валентина Павловна.

"О!" Зина ничего больше не могла сказать... Черезъ недѣлю она вмѣстѣ съ своимъ отцомъ гуляла по И-скому парку и была снова прежней Зиной, прежнимъ неисправимымъ сорванцомъмсльчишкой. А спустя двѣ недѣли, когда она впервые пришла въ гимназію и увидѣла около себя семиклассницу Лиду, то она, лукаво улыбнувшись, вытащила изъ-за пояса маленькіе черненькіе часики съ монограммой. И, показывая ихъ Лидѣ, шаловливо сказала "Совсъмъ позабыла, который теперь часъ".

Карандашикъ.

"Пъсенка".

Когда тихо вода колебалась Въ серебристомъ сіяньи луны, Вътвь цвътущей сирени спускалась На нѣжную пѣну волны, Соловей распѣвалъ на березкѣ, Провожая волну за волной, И тихо цвъточки дремали, Внимая той птичкъ лъсной. Надъ ними кружилися феи, Храня ихъ невинный покой, Боясь, что разбудить ихъ вътеръ, Игравшій съ рѣчною волной. Но только востокъ озарился Блескомъ розовымъ дальней зари, Феи быстро исчезли въ лазури, И проснулися тихо цвѣты. И снова ихъ солнце ласкало, И снова игралъ вътерокъ, И нѣжно порхая надъ ними, На солнце пестрълъ мотылекъ.

K.

орленокъ.

(аллегорическое стихотвореніе).

(Посвящается памяти сына Наполеона).

Гнѣздо орловъ охотники разбили
И гордыхъ птицъ съ собою унесли,
Възвъринцы продали, и въ клѣткахъ золоченыхъ
Жизнь птицъ царей окончилась...
Прошли за годомъ годъ. О вольныхъ дняхъ тоскуя,
Угасъ отецъ орелъ, не вынесши тюрьмы:
Не могъ забыть онъ прежняго величья,
Счастливыхъ дней измѣнчивой судьбы...
А сынъ его—молоденькій орленокъ,
Не зная воли, счастья прежнихъ дней,
Сначала былъ спокоенъ, даже счастливъ
Онъ въ клѣткѣ позолоченой своей...
Но дни все шли... И видѣлъ онъ и слышалъ,

Какъ здѣсь его усердно стерегутъ, Оберегаютъ, но притомъ боятся И, что ему свободы не даютъ... Свобода! Самъ ея не испытавши, Онъ понялъ, что она милѣй всего. Что за рѣшеткой есть иная доля, Которая счастливѣй, чѣмъ его...

Онъ чувствовалъ силу въ расправленныхъ крыльяхъ, Онъ видълъ за клѣткою сводъ голубой, Онъ понялъ, не зная, свободную долю И онъ полюбилъ ее всею душой...
Съ тѣхъ поръ онъ не могъ быть счастливымъ въ

О волъ тоскуя, онъ рвался туда, Гдъ синія горы вздымаются къ небу, Тъ горы, что въ грезахъ видалъ иногда... Потомъ онъ узналъ, отъ своихъ сторожей же, Что сынъ онъ царя великана-орла,-И греза о силъ, могуществъ царскомъ Въ немъ душу сильнъе желаньемъ зажгла... Ему захотълось полетомъ могучимъ Всъхъ выше подняться подъ сводъ голубой, Какъ царь, тамъ парить, наслаждаясь свободой, Свободой, теперь у него отнятой... Онъ пробовалъ вырваться къ небу на волю, Но каждый разъ снова онъ пойманъ бывалъ: Безсильныя крылья его не держали, И снова онъ въ клѣтку свою попадалъ...

Понялъ онъ наконецъ, что напрасны усилья, Что свободы манящей ему не видать... Ненавистная клѣтка ослабила крылья, Ему здѣсь суждено умирать... И судьбѣ покорившись, угрюмый и мрачный, Какъ отецъ, онъ угасъ въ своей клѣткѣ златой, Вспоминая мгновенья короткой свободы, Невозможной, но вѣчно ему дорогой.

Ольга.

Постепенный духовный ростъ русской женщины по романамъ Тургенева

(Окончание.)

Долгое время не находилось у женщины дъла за порогомъ дома. Многихъ женщинъ смущали толки о службъ на пользу общества. Нъкоторыя женщины такъ и остались съ мечтами служенія

обществу, а другія пробовали выбираться на свободную дорогу, въ поискахъ за новымъ дѣломъ, но возвращались разочарованными и теряли почву подъногами. Онѣ не могли найти «дѣла» Въ

1859 году Тургеневъ началъ писать романъ «Наканунъ» Главная героиня этого романа Елена Стахова. Еленъ, какъ Наташъ и Лизъ, патріархальная семейная жизнь ничего не дала. Если мы будемъ слъдить, то замътимъ, что на характеръ Елены не вліяли родители. Воспитание Елены было поручено гувернанткъ, которая была "очень чувствительное доброе и лживое существо., Она пріохотила Елену къ чтенію. Но характеръ Елены быль не таковъ, чтобы удовлетвориться однимъ чтеніемъ: эна сь дътства жаждала дъятельности, дъятельнаго добра; нищіе, голодные, больные ее занимали, тревожили, мучали; она видъл а ихъ во снъ, разспрашивала о нихъ встхъ своихъзнакомыхъ; милостыню она подавала заботливо, съ невольной важностью, почти съ волнениемъ. Мать не мъ шала ей; зато отецъ очень негодовалъ за свою дочь, за ея, какъ онъ выражалля, пошлое нѣжничанье, и увѣрялъ, что отъ собакъ да кошекъ въ домъ ступить негдъ. На десятомъ году, Елена познакомилась съ нищей дъвочкой Катей, и тайкомъ ходила къ ней на свидание въ садъ, приносила ей лак метва, дарила ей платки, двугривенники-игрушекъ Катя не брала. Она садилась съ ней рядомъ на сухую землю, въ глуши, за кустомъ крапивы; съ чувствомъ радостнаго смиренія вла ея черствый хлібов, слушала ея разсказы. У Кати была тетка, злая старуха, которая ее часто била; Катя ее ненавидъла и все говорила о томъ, какъ она убъжитъ отъ тетки, какъ будеть жить на всей Божіей воль. Съ тайнымъ уваженіемъ и страхомъ внимала Елена этимъ невъдомымъ, новымъ словамъ, пристально, смотръла на Катю, и все въ ней тогда – ея черные, быстрые, почти звъриные глаза, ея загорълыя руки, глухой голосокъ, даже ея изорванное платье-казалось Еленъ чъмъ-то особеннымъ, чуть не священнымъ. Елена возвращалась домой и долго потомъ думала о нищихъ, о Божьей волъ; думала о томъ, какъ она выръжетъ себъ оръховую палку и сумку надънетъ и убъжить съ Катей, какъ она будеть скитаться по дорогамъ въ вънкъ изъ васильковъ: она однажды видъла Катю въ такомъ вънкъ. Входилъ ли въ это

время кто-ниудбь изъ родныхъ въ комнату, она дичилась и глядъла букой. Однажды она въ дождь бъгала на свиданіе съ Катей и запачкала себѣ платье; отецъ увидалъ ее и назвалъ замарашкой, крестьянкой. Она вспыхнула вся, и стращно и чудно стало ей на сердцъ Такъ совершалось развитіе Елены въ дътскомъ возрастъ. Родители не имъли на нее никакого вліянія. Въ Еленъ происходила какая-то постоянная внутренняя борьба, зрѣють порывы къ добру, нарождаются мечты о Божьей волъ. Она иногда себя не понимала, даже боялась самой себя. Все что окружало ее, казалось ей не то безсмысленнымъ, не непонятнымъ. "Какъ жить безъ любви? а любить некого" думала Елена и страшно становилось ей! Душа ея жаждаетъ настоящаго дъла. "Хоть бы, въ служанки куда-нибудь пошла правъ мнъ бы легче было". говорила Еленъ Она не могла сойтись ни съ къмъ изъ окружающихъ ее людей. Елена пишетъ въ дневникъ: "Я одна, все одна, со всёмь моимъ добромъ, со всёмъ моимъ зломъ. Некому протянуть руку: Но кто же окружаетъ Елену? Въ домъ Стаховыхъ живетъ компаніонка Елены. нъмка Зоя. Елена съ Зоей не сошлась и держалась холодно. Кром'в Зои живеть художникъ Шубинъ, «который живетъ только чувствомъ, -- эстеть въ душъ». Онъ влюбленъ въ Елену, «но не ему вести Елену на путь дъятельнаго добра» Гораздо серьезнъй его молодой человъкъ Берсеневъ, котораго Шубинъ мътко называетъ «добросовъстно умнымъ энтузіастомъ». Берсеневъ уменъ п хорощо образованъ. Интересуясь умной и ученой бесъдой Берсенева, Елена скоро увидъла, что онъ не тотъ герой, который поможеть ей въ исканіи дізтельности. Она сразу обратила внимание на Инсарова, онъ быль большой патріотъ, весь отдался служенію родинв. Елена во многомъ сходилась взглядами съ Инсаровымъ. И она пошла за нимъ. Она не побоялась никакихъ пересудовъ, и увлекаясь идеей, пошла за любимымъ человъкомъ.

Елена сродни Наташъ, которая способна на такую самостоятельность, но она далеко ушла отъ Лизы: Лиза поэ-

тическое воспоминаніе, трогательный образъ отживающей эпохи, Наталья и Елена-женшины будущаго, типы новые, которые должны были двигаться при начинающемъ устройствъ всего уклада русской общественной жизни. Лиза ограничилась тесными рамками семейной жизни, новая женщина смело вступила на поприще общественной жизни и работы и не могла, конечно, остаться такимъ пассивнымъ существомъ, какимъ была ея предшественница. Елена не находила настоящаго дъла въ Россіи, п потому послъ смерти своего мужа, она не возвратилась въ Россію. Она пишеть родителямъ передъ отправленіемъ въ Зару: "Вернуться въ Россію! Зачвиъ? Что двлать въ Россіи?

Но мало по-малу отыскивается въ Россіи "дёло" для женшины—новое общественное, такое, въ которомъ женщина, могла работать наравнъ съ мужчиной. Такимъ дёломъ было дёло служенія народу.

Среди людей, желающихъ посвятить ему себя, было много молодыхъ женщинъ. Типъ женщины "въ народъ" разработанъ Тургеневымъ въ романъ "Новь." Маріанна не особенно удалась Тургеневу, но мы видимъ изъ романа, какъ духовно выросла русская женщина. Маріанна рвется къ дѣлу. Она сирота, живетъ у тетки, какъ приживалка. Она постоянно выноситъ много оскорбленій и страшно страдаетъ у своихъ благодътелей. Маріанна много читаетъ, занимается естественными науками, интересуется женскимъ вопросомъ.

Она поддалась движенію эпохи и рвется къ общественному дѣлу, она готова даже "хоть умереть." "Мнѣ кажется иногда," говорить Маріанна, "что я страдаю за всѣхъ притѣсненныхъ, бѣдныхъ, жалкихъ на Руси... Нѣтъ не страдаю, —а негодую за нихъ, возмущаюсь... Что я за нихъ готова "голову сложить!" Но сама она "ничего не можетъ и не умѣетъ. Ей предстоитъ мѣсто сельской учительницы въ школѣ, но ей хочется болѣе широкаго поля дѣятельности. Въ это время является Неждановъ съ пропагандой среди народа.

Маріанна сблизилась съ Неждановымъ и послъдовала за нимъ, отдаваясь новому дълу. Она переъхала на фабрику,

чтобы быть ближе къ двлу, она старается "опроститься", готова на жертвы. "Я въ вашемъ распоряжении говорила Маріанна, съ восторгомъ Нежданову.

"...Я хочу быть тоже полезной вашему двлу.. Я готова сдъпать все, что будеть нужно, пойти, куда прикажуть".

Она не боится опасностей и ей представляется большое счастіе при мысли, что она идеть на служеніе народу... "Мы будемь работать", говорила она позже Нежданову, "мы принесемь имь, нашим братьямь все, что мы знаемь—я, если нужно, въ кухарки пойду, въ швеи, въ прачки... И никакой туть заслуги не будеть—а счастье, счастье..." Ея энтузіазмъ не уменьшается даже тогда, когда вождь ея разочаровывается въ этомъ дъль. Маріанна сказала: "Да, Алексъй, върю. Върю, върю всъми силами души—и посвящу этому дълу всю свою жизнь, до послъдняго дыханія".

Эта послъдняя фраза указываеть на ея вполнъ самостоятельный характерь. Мы видимъ женщину съ ясно опредълившимся сознаниемъ. Жажда дъятельности у ней очень велика и въ стремленіяхъ къ достиженію намъченныхъ ид-аловъ она не останавливается ни передъ чъмъ

Теперь, припоминая характеристики героинь, мы должны сдълать слъдующее заключеніе.

Въ лицъ Лизы и Наташи мы видимъ женщинъ, еще не вполнъ дъятельныхъ. Но въ нихъ замътна неудовлетворенность окружающимъ обществомъ. Ихъ уже не удовлетворяютъ будничные интересы окружающихъ людей. Онв стоять выше своихъ воспитателей и окружающихъ ихъ молодыхъ людей. Онв съ радостык усваиваютъ живую мысль и стараются примънить ее къ дълу. Наташа, услыша живое слово, готова идти за человъкомъ, который указиль ей новый путь. Можеть быть, если бы этотъ человъкъ оказался болъе дъятельнымь и менъе эгоистичнымъ, изъ Наташи получилось бы что-нибудь болже крупное, во всякомъ случав, Наташа и Лиза ръзко отличаются отъ окружающаго ихъ общества. Далъе мы видимъ, какъ женскій типъ въ произведеніяхъ Тургене-

ва принимаетъ характеръ болве жизненный. Необходимо подчеркнуть Елену Стахову. Здёсь мы видимъ, что она не удовлетворяется мечтами о дълъ, а отдается живому дълу. Ее захватила идея Инсарсва и она для достиженія намъченной Инсаровымъ цъли покидаетъ родину и даже не возвращается. Такимъ образомъ, Елена не похожа на своихъ предшественницъ. Для того, чтобы ръшиться покинуть родину и, нъкоторымъ образомъ, лишиться спокойствія, нужна сильная воля и твердое убъждение въ правотъ своего поступка. Еще дальше мы видимъ женщину, которая идетъ "въ народъ" Ни одна изъ предыдущихъ героинь не могла рѣшиться итти работать "въ народъ" Маріанна для своей дѣятельности избрала родной народъ. Она не искала идеала въ далекомъ, а нашла его среди русскихъ мужиковъ, которымъ она и рѣшила посвятить свои силы. Такой рѣшительностью Маріанна оставляетъ позади всѣхъ своихъ предшественницъ. Русская женщина развивалась постепенно и самостоятельно. Желаніе ея, быть полезной обществу, было такъ велико, что она не останавливалась ни передъ какими препятствіями. Это очень хорошо выражено въ стихотвореніи въ прозъ "Порогъ."

В. Катагощина.

* * *

Почему все поетъ и ликуетъ въ душѣ? Почему такъ безумно легко? Потому что вся дума моя о тебѣ... Потому что на небѣ свѣтло... Потому что любовь и безмѣрная страсть Охватили всю душу мою; И ликуетъ во мнѣ свѣтлый, радостный рай. Потому, что тебя я люблю!

Несмѣянова.

СКАЗКА.

Душно и жарко въ опочивальнѣ. Не спится молодой царевнѣ. Давитъ ее одѣяло парчевы, жжетъ подушка шелковая, такъ и пылаетъ лицо разгоряченное.

А тамъ за окномъ совершается диво-

дивное, чудо-чудное...

Горячимъ поцълуемъ темноокая Ночь душистая прильнула къ усталой землъ, ожила словно Земля—Матушка, широко и вольно всколыхнулась грудь ея, и заструились ароматы цвѣтовъ.... Зашептался лѣсъ, встрепенулся весь и полился изъ устъ его гимнъ во славу великой жизни и красоты.

Безъ словъ льется пѣснь, широкой волной колышется, и все звучнѣе и

звучнъе изгибы ея...

Распахнула царевна окно, и горячая струя звуковъ заполнила комнату, и торжественная, поб'вдная п'вснь ея слилась съ великимъ ликованіемъ земли.

А сверху слышится серебряная пъснь неба. Все ниже и ниже спускается она, вотъ коснулась земли и... свершилось великое—воедино слились земля и небо.. И не было гръха земли, какъ не было и святости неба.

Была единая гармонія Жизни и Кра-

соты!..

Не замъчаетъ лишь царевна этой тайны великой. Опустила она голову свою злато кудрую, двъ тяжелыя косы, золотясь, сбъжали внизъ. Ласково коснулся шаловливый зефиръ золотыхъ колечекъ, свътлымъ ореоломъ обрамлявшихъ прекрасное лицо царевны, шепнулъ ей чтото—безучастна царевна—и прочь отлетълъ огорченный. Тяжелыя думы объяли царевну, жгучая тоска граничитъ съ отчаяніемъ...

Счастлива была царевна, единственная дочь, любимая своего отца. Подобно райской птичкъ, цълые дни распъвала она, порхая по дворцу, и тамъ, гдъ являлась она съ улыбкой своей небесной, вдругъ сразу становилось легко и радостно, словно солнышко яркое заглянуло. За эту способность вносить свътъ и счастье, за красоту ея неотразимую—"Зоренькой Ясной», "Звъздочкой Серебряной" звали ее.

Хороша была царевна!..

Взоръ очей ея, глубокихъ, лучистыхъ, свътлымъ отблескомъ падалъ въ душу человъка и былъ для него самымъ радостнымъ въ его жизни.

Улыбка ея была точно улыбка неба въ весеннюю, благоухающую ночь. Дивный голосъ царевны нѣженъ былъ, какъ сама любовь, въ хрустальныхъ переливахъ ея смѣха сверкала красивая, безконечная радость молодости...

Хороша была царавна!...

About the whole the plant

Ни одно облачко не смущало жизнерадостность царэвны. Ни разу не тума нились очи е і печалью, и скорбь не набъгала на уста. Потому что во дворецъ запрещенъ быль входъ страданію. Посковый вечерь обвиль землю и зашепталь свои сказки. Тишина.. Лишь фонтань неумолчный безь конца журчить свою пъсню, и красивый смъхь такь и искрится въ блескахъ его струй. Но отчего порой срывается этоть смъхь, и ноткатихой, но глубокой грусти больно ударяеть по сердцу царевны.?.

— "Что съ тобой? отчего не полонъ твой смъхъ?"—шепчетъ царевна люби-

мому фонтану.

— "Велика радость, но безгранично и страданіе" — услышала она мелодичный голосъ. Передъ ней стояла красавица съ длинными волосами, перевитыми розами, съ глазами глубокими, какъ молчаніе.

Изъ темной глубины ихъ глядъло казалось, все страданіе человътества, порой красивое, какъ смерть розы въ, зимній холодъ, порой приниженное, безсильное, какъ безнадежность, то сильне, какъ желаніе, то трепетало оно пе-

редъ безбрежностью мученій...

— "Слушай, не для всёхъ жизнь— веселый праздникъ... Знаешь ли ты, что за предълами твоего царства есть иная жизнь? Тамъ бъдность и нужда кръяк охватили людей. Бьются люди, всю жизнь проходять съ закрытыми глазами и умирають обезсиленные, съ проклятіемъ на устахъ... Земля стоитъ и содрогается отъ ужаса, облитая кровью и слезами...

Пойдемъ, я покажу тебъ міръ".

И въ ту ночь постигла царевна весь ужасъ и безконечность страданія...

Оттог, такъ печальна она теперь, разрывается сердце отъ тоски и муки...

Она выходить въ садъ. Ночь съ материнской лаской обняда царевну. Вокругъ попрежнему торжественно звучала восторженная, безбрежная, какъ океанъ, мелодія міра, непонятнымъ трепетомъ наполняя душу, безотчетно, волнуя ее... И вдругъ поняла она все...

Благоговъйно опустилась она на колъни и, поднявъ свои прекрасныя руки къ Небу, тихо произнесла:

Влагословенна Жизнь и Красота!!...

Торжество правосудія.

Весна. Громко и радостно щебечуть птички въ молодомъ обновляющемся лъсу, поють ей побъдную ликующую пъснь, весело щебечутъ о теплъ, о солнцъ о любви, и въ тонъ имъ журчатъ ручьи, поють тоть же гимнь счастья и красоты. Неребивая другъ друга, торопясь и сердясь и ворча, щумять верхушки старыхъ сосенъ, разсказывая ту же безконечную красивую весеннюю сказку. И солнце ласково и весело слушаетъ ихъ хвалебный гимнъ веснъ и посылаеть на холодную промерзшую землю свои согръвающие лучи. Эти лучи, несущие повсюду жизнь и радость, проникли и въ маленькій тюремный дворикъ, окруженный со всвхъ сторонъ высокими каменными ствнами. Туть уже не увидищь ни молодыхъ, тянущихся къ теплу и свъту березокъ. ни темныхъ сосенъ, ни веселыхъ ручейковъ. Вездъ навалены груды тающаго грязнаго снъга, а у самыхъ ствнъ протоптана тропинка. У массивныхъ чугунныхъ воротъ, ведущихъ въ каменное непривътливое высокое зданіе, сидить тюремный надзиратель, а по тропинкъ, какъ бълка въ колесь, быстро ходить молодой человъкъ въ арестантскомъ полушубкъ. Иногда онъ останавливается, смотритъ въ небо долго и пристально, съ наслажденіемъ вдыхая въ себя свіжій, чистый весенній воздухт, и потомъ опять начинаетъ быстро ходить, точно боясь потерять хоть одну минуту. "Пора", вдругъ раздается голосъ надзирателя. Молодой человъкъ испуганно взглядываетъ на него, но, встрътивъ его холодный, безстрастный взглядъ, опустивши голову, послушно направляется къ воротамъ и черезъ нъсколько минутъ, послъ предварительныхъ совъщаній надзирателя съ къмъ-то невидимымъ черезъ маленькое окошечко въ воротахъ, калиточка открывается и темная бездна поглощаеть обоихъ. Едва арестантъ вошелъ въ сопровождении тюремщика въ длинный темный корридоръ, какъ

его охватила та же тюремная атмосфера, сырая, душная, гнетущая и подавляющая, которую онъ только что покинулъ на 5 минутъ. По объимъ сторонамъ корридора маленькія низкія двери на тяжелыхь жельзныхь замкахь. Воть преступникъ и тюремный надзиратель остановились у двери, надъ которой была прибита дощечка съ номеромъ 9; загремълъ замокъ, сейчасъ дверь растворится, и арестантъ долженъ будетъ войти подъ низкіе, темные своды камеры. Его совсъмъ еще юное интеллигентное лицо изобразило ужасъ, безумный протестъ и страшную внугреннюю борьбу: Онъ какъ будто собирался съ силами, чтобы остаться спокойнымъ, чтобы, молча, послушно переступить порогъкамеры и, пересиливъ себя, онъ весь, согнувшись и съежившись, весь сдълавшійся какимъто маленькимъ и жалкимъ, вошелъ въ каморку. Сразу же, какъ только смолкли шаги тюремщика. арестантъ почувствовалъ страшный холодъ одиночества. Ужасъ охватилъ его. Безобразныя, голыя ствны неприввтливо и недружелюбно оглядывали молодого жильца, а тоть съ искривившимся отъ какой-то внутренней боли лицомъ, медленно приблизился къ низкой кровати съ тоненькимъ соломеннымъ тюфякомъ, сълъ на нее, полными неизмъримаго горя и отчаянія глазами глядя на маленькое тусклое окошечко, за которымъ остался клочекъ его жизни.

II.

Послѣдніе лучи весенняго заходящаго солнца мягкими, нѣжными красками освѣщали улицы города, весело отражались и искрились въ лужахъ, ласково пригрѣвали молодую зеленую травку. Послало оно свой прощальный привѣтъ и узнику камеры № 9; весело заклянулъ свѣтлый лучъ въ маленькое грязное окошечко, словно хотѣлъ своей свѣтлой улыбкой спугнуть мрачныя мысли въ головѣ арестанта, поигралъ на каменныхъ холодныхъ плитахъ пола и снова скрылся. Арестантъ все продолжаль сидъть въ томъ положении. въ которомъ мы оставили его. Вдругъ до него донеслись звуки вечерней молитвы, протяжные и печальные "Отче нашъ, иже еси на набесехъ" неслись слова молитвы Господней, глухія и отдаленныя. Это пъли арестанты общей камеры. Воть они замолкли и черезъ нъсколько секундъ послышался нестройный гулъ голосовъ, среди котораго съ трудомъ можно было различить слова: "Здравія желаемъ, Ваше го-го-го-ство". Начинался ветерній обходъ. Загрем'влъ замокъ, дверь камеры № 9 растворилась, непріятно скрипнувъ. Арестанть поднялся съ кровати и вытянулся передъ вошедшимъ офицеромъ. Офидерь скользнулъ взглядомъ по фигурв арестанта, по ствнамъ камеры и, повернувшись, вышелъ вонъ. Опять тишина, мертвая, зловъщая, жуткая тишина, опять арестантъ остался наединъсъ своими неотвязными мыслями. Тамъ за этими ствнами-тепло, радость и солнце; тамъ первыя робкія ласки молодой красавицы-природы, одъвающейся въ тонкія зеленыя ткани, пахучія, полупрозрачныя одежды, манящей и зовущей усталаго, голоднаго, покрытаго язвами отъ долгой и трудной дороги, путника, отдохнуть и обновиться на ея груди. Тамъ вътерокъ легкій и нъжный, сдувающій съ человъка всю пыль, всю грязь, всю пошлость, наложенную на него минувшей жизнью. А здѣсь.... Когда же началось «то», задаетъ онъ самъ себъ чуть не въ сотый разъ одинъ и тотъ же вопросъ, "то" ужасное, непоправимое, что привело его сюда въ тюрьму. Онъ напрягаетъ всю свою память, призываеть на памощь все свое воображеніе. Цільй рядъ мыслей и воспоминаній роятся въ его измученной, горячей головъ. "Не тогда-ли", вдругъ мелькаетъ въ его умв. И вспомнилась ему душная весенняя ночь, темное небо, сплошь усвянное клочками и обрывками тучъ и далекая, то и дъло вспыхиваю. щая молнія. Вдеть ихъ веселая компанія гимназистовъ и гимназистокъ лъсомъ, возвращаясь съ пикника. Всв они еще молоды, еще незнакомы съ жизнью, всв рвутся къ сввту, къ правдъ, всв еще полны самыхъ свътлыхъ

надеждъ на неизвъстное будущее. Эта теплая благоухающая ночь создала каждому особенное настроеніе. Всѣ заняты своимъ, никто не обращаетъ ни на кого вниманія, всѣ говорятъ вмѣстѣ сразу, никто никого не слушаетъ и не заботится, чтобы и его слушали. Вонъ Коля Каваровъ, лежа на телъгѣ и глядя въ небо, импровизируетъ:

"Въ эту дивную ночь все хочу. позабыть, Въ эту дивную ночь можно только любить;

звучить его голосъ. А на другомъ концв телвги слышится другой горячій голосъ. Это филосовствуеть Борисъ Пшеницынъ. "Человъкъ стремится къ красотъ. къ правдъ, т. е. къ идеъ, потому что красота есть сама идея, Если нътъ въ человъкъ красоты, значитъ, онъ человъкъ безыдейный. Я всю жизнь свою ищу красоту, всю жизнь стремлюсь къ ней и не могу ее найти..." Какъ сейчасъ видитъ передъ собой Валентинъ Ивансвичъ (тогда еще просто Валя Вересовъ, гимназистъ 6-го класса, а теперь уже уголовный преступникъ) горящій вдохновенный взоръ большихъ свътлыхъ глазъ Бориса и его широкое умное лицо, голова Бориса въчно занята какими-нибудь вопросами, самыя различныя идеи зарождаются въ ней. Онъ въритъ въ себя, въ итъ въ свое предназначение совершить что то великое. Онъ слыветъ философомъ среди своихъ товарищей, очень умнымъ добрымъ малымъ, но въ ихъ отношении къ Борису невольно проскальзываеть иногда какаято недовърчивость и насмъщливость, RTOX его всв любять И уважаютъ. Онъ много говоритъ, говоритъ красиво и складно, говоритъ Богъ, и о правдъ, и о литературъ. говорить такъ, что его можно заслушаться. онъ считаетъ себя народникомъ и по окончаніи гимназіи собирается на фабрику. Между тъмъ, на телътъ кто-то запълъ, и мягкіе задушевные звуки извъстнаго романса. "Дремлють плакучія ивы"... свободно и красиво понеслись въ ночной тишинъ Валя не пълъ, не говорилъ, не спорилъ; онъ сидълъ все время, не проронивъ ни слова, но онъ

больше всвхъ понималъ и сильнве всъхъ чувствовалъ красоту весенней ночи, ближе всъхъ принималъ къ сердцу горячія, можеть быть, немного смішныя, но искреннія, хорошія річи товарищей. Валя былъ самый обыкновенный человъкъ; у него не было таланта ни такъ красиво говорить, какъ Борисъ, ни писать такіе стихи, какъ Каваровъ; онъ не былъ ни художникомъ, ни музыкантомъ. Въ немъ было много недостатковъ, и самый большой изъ нихъ былъ слабость воли. Онъ не былъ лънтяемъ, не былъ неспособнымъ, или неразвитымъ. но учился плохо, именно благодаря этому. Возьмется онъ за книгу, чтобы выучить заданный урокъ, а въ это время придеть товарищь, увидить раскрытый учебникъ, усмъхнется, станетъ звать въ карты играть, и на Валю вдругъ иовветь тепломъ товарищеского кружка, вспомнятся ему шутки, остроты, комбинаціи игры, и у него не хватить силы воли противостоять искушенію, а урокъ аакъ и оставался невыученнымъ. Сколько трзъ онъ бросалъ курить. но не пройдетъ бывало 3-хъ, 4-хъ часовъ, а его ужъ опять тянетъ къ папироскъ, не выдержить Валя, махнеть рукой и опять начнетъ курить. Теперь ему было такъ хорошо сидъть на телъгъ, слушать ръчи товарищей, выливающіяся прямо изъ сердца, слушать пъніе и говоръ гамназистовъ; иногда безпричинныя слезы подступали ему къ самому горлу, и онъ еле сдерживалъ ихъ.

Все это въ одну минуту вспомнилось Вересову. Чудное время дивная невозвратимая пора! Неужели же тогда

тогда началось "то"?!

Или, можеть быть, тогда, когда онъ съ трепетно бьющимся сердцемъ впервые вступилъ подъ своды, давно ожидаема о университета. Когда у него отъ какой-то большой и свътлой, ему самому не совсъмъ понятной радости кружилась голова и глаза застилались туманной пеленой. Здъсь въ университетъ онъ встрътился съ своими гимназическими товарищами Борисомъ Пшенициномъ и Колей Каваровымъ. Они повели въ свое землячество и быстро познакомили съ его членами. Передъ Вересовымъ открылось цълое поле новой

для него дъятельности. Съ воодушевленіемъ отдался онъ ей, видя въ ней столько заманчиваго и привлекательнаго. Цвлые дни бъгалъ онъ по городу, устраивая всевозможные благотворительные вечера, сборы и концерты, упрашивая литераторовъ и артистовъ участвовать въ нихъ. Его рвеніе и неисчерпаемая энергія были замічены товарищами, и Валя почти единогласно былъ избранъ казначеемъ; прошли мъсяцы. промелькнули святки. Дела землячества потеряли для Вересова предасть новизны, и душа его просила новыхъ ощущеній. Лекціи были давно заброшены, и онъ боялся подумать о нихъ, схоцокъ не было. Вересовъ сталъ скучать и чаще и чаще можно было его видъть дома, валяющимся на постели Ко всему этому примъшалось еще его увлечение курсисткой Върой Дудинскей, которая на всв его ухаживанія отвічала полнымъ равнодушіемъ и даже враждебностью. И вотъ, въ тотъ періодъ, когда Вересовъ чувствовалъ особенную пустоту на душъ, товарищи пригласили его на одну вечеринку, устраиваемую въ складчину. Онъ съ охотой пошелъ на нее. Въ тесной комнате собралась ихъ большая компанія. Присутствующіе сидъли въ различныхъ позахъ, кто на чемъ попало: и на столъ, и на стульяхъ, и на окнахъ. Въ комнатъ стоялъ гулъ голосовъ спорящихъ и разговаривающихъ. Тутъ были и Пшеницынъ и Каваровъ, туть же Валя увидалъ свою старую знакомую Зину Понову, которую онъ зналъ еще гимназисткой хорошенькую, веселую съ дътскимъ любопытствомъ и почтительнымъ страхомъ передъ учеными господами, слушащая споры, гордая тёмъ, что ей ужъ, какъ большой, теперь можно не только слушать, но и самой говорить въ кругу ихъ. Зина очень мило улыбалась, часто поглядываеть на Валю, но тотъ жмурится и нарочно отворачивается отъ нея. Онъ хотя и слушаетъ споры и самъдаже принимаетъ участіе въ нихъ, но въ настоящую минуту больше занятъ наблюденіями за студентомъ и курсисткой, которые, отдълясь отъ компаніи спорящихъ, сидятъ за піанино и играютъ въ 4-ре руки и кажется всецъло поглощены своимъ занятіемъ. Валя не вытерпълъ и подошелъ къ піанино. Сидящіе за нимъ Володя Бъловъ и Въра Дудинская не обратили на него никакого вниманія.

Володя Бъловъ быль высокій стройный шатенъ съ голубыми, дерзко и вызывающе глядъвшими глазами, спокойный и самоувъренный. Въ гимназіи онъ шелъ на тройки, всегда не больше не меньше, сторонился товарищей, учителямъ обыкновенно говорилъ почтительныя дерзости, и тъ были о немъ очень неопредвленнаго мнвнія. Въ университетъ быстро сошелся со всъми профессорами, очень аккуратно сталь относиться къ своимъ занятіямъ, на всъ сходки смотрълъ презрительно и въ споры никогда не вступалъ. Валя всегда терпъть не могъ Бълова, а теперь въ особенности. Володя близко наклонился къ рядомъ сидящей Въръ и тихимъ голосомъ что-то говоритъ ей.

Огремные сърые всегда спокойные, глаза Въры сегодня блестъли необыкновеннымъ свътомъ. Тонкія, всегда сжатыя губы счастливо улыбались, но, какъ только она встръчала съ мольбой и тоской устремленный на нее взглядъ Вали, мгновенно глаза ее становились опять странно спокойными и непроницаемыми, они и отталкивали и притягивали къ себъ жуткой неизмъримой глубиной, а отъ лица такъ и въяло леденящимъ холодомъ.

Вся душа Вали изныла, встръчая постоянно этотъ взглядъ, и чтобы не видать счастья "Въры --- Володи," онъ отошель въ маленькую смежную комнатку. Здъсь сидъли любители картъ. У стола на полу стояли опорожненныя бутылки изъ подъ пива, вездъ валялись окурки папиросъ и вся комната положительно потонула въ табачномъ дыму. Валя сталъ наблюдать за играющими, хотя мысли его все время возврашались къ той чудной девушке у піанино. Однако мало по-малу имъ сталь овладъвать азартъ. Глаза его разгорвлись, руки стали дрожать, губы нервно подергиваться. Эта перемъна въ Вересовъ не скрылась отъ вниманія игроковъ., Ставь, что ли", приставалъ къ нему сосъдъ справа. Вересовъ ко-

лебался. "Вёдь по маленькой," сказалъ сосъдъ слъва, и Вересовъ робко потянулся за картой. Валя играль горячо и необлуманно и при каждой неудачъ еще больше горячился и становился совершенно неспособнымъ понимать что бы то ни было. Скоро всв свои деньги онъ проигралъ. Сначала онъ хотълъ занять у кого-нибудь, но вспомнилъ, что при немъ находится бумажникъ съ земляческими деньгами, и онъ сталъ продолжать игру. Игроки проходили, уходили. н'вкоторые снова возвращались, а Валя все игралъ и игралъ, не сводя лихорадочно блеставшихъ глазъ съ картъ Разсвътало, игра кончилась, всв стали расходиться. Какъ въ туманъ шелъ Валя домой, вмъстъ съ товарищами. "Ты сколько профинтилъ?, " спрашивалъ извъстный кутила, весельчакъ и картежникъ Вася Логовъ, мрачно шагающаго около него верзилу Сашу Лукина. "Плохо брать: последнюю иятерку спустиль, трагически отвъчаеть тоть. "А ты?" Вася молодцевато прищелкнулъ языкомъ: "12 рублей."

"Ври больше, "недовѣрчиво говоритъ Саша, у тебя никогда такихъ денегъ въ карманѣ и не было." Валя молчалъ. Онъ проигралъ 200 руб-

лей земляческихъ денегъ, и тупое от-

чаяніе грызло его душу.

III.

Черезъ нъсколько дней стали говорить о проигрышт Вересова. Стали высказывать подозрънія насчеть цълости земляческихъ денегъ, нъкоторые треровали ревизіи кассы и Валт ничего не оставалось дълать, какъ все объяснить землякамъ. Съ этой цълью онъ написалъ письмо Борису, въ которомъ говорилъ, что проигралъ больше половины ввъренныхъ ему денегъ, но онъ объщалъ при этомъ вернуть ихъ въ сомомъ близкомъ будущемъ.

На другой день послъ этого нисьма все землячество знало о растратъ.

Возмущенію не было предѣловъ. "Это позоръ!" негодовалъ Володя Бѣловъ. Борисъ и Коля вздумали, было, заступиться за товарища, но имъ стали со всѣхъ сторонъ доказывать, что Вересовъ

скомпрометировалъ студенчество, и что этого осгавить такъ нельзя. Тутъ не хватаетъ какихъ-нибудь 25 рублей, чтобы внести за правоученіе, и добросов'встному, часто талантливому студенту приходится оставлять университеть, а тамъ кассаръ по 200 рублей проигрываеть въ карты, и его прощать, гладить за это по головкъ! Эти доводы поколебали сочувствие Бориса и Коли, и они вмъстъ съ другими стали обсуждать, какъ отнестись къ поступку Вересова. Одни предлагали товарищескій судъ, другіе требовали довести это до свъдънія прокурора, но болже умфренные одержали верхъ, и было ръшено предложить Вересову выйти изъ университета, при чемъ депутатомъ къ нему былъ выбранъ Борисъ. Валя между тамъ сидълъ безвыходно дома, съ нетерпъніемъ ожидая ръшенія товарищей: Онъ вздрагивалъ при малъйшемъ шумъ и не спускаль глазъ съ двери. Тоему казалось, что къ его поступку отнесутся строго, что его осудять, то въ его душв просыпалась надежда, что товарищи поймутъ его состояніе и согласятся предать это дъло забвению, съ условіемъ, что онъ вернетъ потомъ деньги. Наконецъ, постучали въдверь и въкомнату вошелъ Борись въ короткихъ и ясныхъ выраженіяхъ; Борисъ даль понять Валъ все, что отъ него требовалось, прибавивъ при этомъ, чтобы онъ не требовалъ поступить въ какое-нибудь другое высшее учебное заведеніе: товарищи уже позаботились, чтобы этого не случилось, и, не подавъ руки, только издали поклонив шись, вышелъ. Въ первый моментъ Валя почувствоваль страшную слабость и въ изнеможении опустился на стулъ. Но подавленное состояние ненадолго овладъло его душой. Надежда на свои силы почувствованное оскорбление, желаніе мести взяли верхъ "Погодите же" шепталъ Валя я вамъ покажу, вы увидите Бушевавшая въ душв буря вскоръ смънилась глубокой апатіей, онъ повалился на постель и черезъ минуту уснулъ тяжелымъ сномъ. На другой день онъ принялся приводить свой планъ въ исполнение. Цълыми днями бродилъ онъ по Москвъ, ища работы, дълая громадные концы, и ничего не

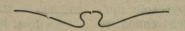
находилъ. Одно намъченное имъ лицо не принимаетъ, другого нътъ дома, третій не имфеть никакой работы, которую онъ могъ бы предложить Вересову. Часто голодный и усталый, садился онъ на какомъ-нибудь бульваръ на скамейку отдохнуть и тогда, забывшись на мгновеніс, онъ начиналъ мечтать. Онъ воображаль себя богатымъ и сильнымъ, у него много дъла, онъ занимаетъ высокое общественное положение. Своими филантропическими дълами онъ заставиль всвхъ г ворить о себъ. Онъ всю жизнь свою посвятиль на то, чтобы улучшить положение народа, доставитъ бъднымъ и безрабетнымъ заработокъ и съ этой цёлью онъ начинаетъ все возможныя постройки, закладываеть, грандіозныя зданія.. Онъ встръчается съ Борисомъ и Колей и другими и всъ тв, которые его презирали, которые подвергли его униженію, теперь завидують ему, и та дивная дввушка съ сърыми глазами уже не такъ непріязненно и холодно смотритъ на него, наоборотъ, глаза ея ласково свътятся изъ-подътемныхъ бровей и сулять ему, много, много любви и счастья Но скоро мечты Вали прерывались, голодъ немилосердно давалъ себя чувствовать, и онъ тяжело вздохнувъ, отправлялся вновь на дальнъйшіе поиски.

Ужъ много дней прошло. Отъ былыхъ надеждъ не осталось и слъда. Бодрость смънилася робостью и страхомъ, само-Многія увъренность-подавленностью. мысли, которыхъ никогда не было у Вересова, теперь приходили ему на умъ, и мало по малу имъ стало овладъвать отчаяніе. Уже по два, по три раза ходилъ онъ къ однимъ и тъмъ же людямъ безъ всякой надежды, спрашивая, не появилось ли какой-нибудь работы для него. Нъкоторые предлагали ему денегъ. Прежде онъ отталкивалъ ихъ, теперь съ горькимъ стыдомъ и мукой онъ былъ вынужденъ брать ихъ, чтобы не умереть съ голоду. Ужъ чуть-ли не въ пятый разъ направился онъ къ одному инженеру, прежде своему хорошему знакомому. который уже насколько разъ давалъ ему "взаймы" по 2, по 3 рубля. Онъ позвонилъ. "Дома баринъ?" спросилъ Вересовъ отворившую дверь горничную

"Нѣтъ нѣту, они только что сейчасъ вышли, да вы, можеть быть, ему напишите, такъ пожалуйте въ кабинетъ", участливо добавила она, видя неподдъльное страданіе, выразившееся на Вересова. Вересовъ ръшилъ откровенно написать иженеру, что ему больше нечего всть, что онъ просить его хоть какой-нибудь черной работы, и вошель въ кабинетъ. Долго онъ, не могъ подыскать словъ для письма, нъ сколько разъ начиналъ и рвалъ на куски бумагу. Горничная отошла въ сторону, терпъливо ожидая, пока звонокъ, раздавшійся въ передней, не вызваль ее. Вересовъ съ отчаяніемъ оглянулъ кабинетъ. "Сколько нечужной роскоши: книги, эти статуи, эти тяжебархатныя портьеры, вёдь здёсь ЛЫЯ тысячи, а онъ погибаетъ изъ-за какихъто жалкихъ 200 рублей. "Ну что бы дать ему мнв взаймы эти 200 рублей, въдь онъ бы спасъменя этимъ", думалъ Вересовъ. Онъ бы возвратилъ деньги въ кассу, можетъ быть, ему позволили бы снова поступить въ университетъ, кончить курсъ, сдълаться адвокатомъ и вернули бы ему загубленную жизнь. Въ эту минуту взглядъ Вересова упалъ на маленькій черный шкапъ съ деньгами и документами, вдъланный въ ствну у письменнаго стола, въ которомъ торчалъ забытый ключь. "Вёдь воть избагленіе!"... Вся кровь прилила къ головъ Вересова. "А что если я...? "Это воровство", шепталъ ему одинъ голосъ. "Но въдь я ему обязательно верну ихъ, защищался Вересовъ: "какъ только будеть возможность я пришлю ихъ по почтв и напишу: "отъ неизвъстнаго". Я взаймы возьму и только то, что мив необходимо, что спасетъ меня". Въ это время загремъла парадная дверь, горничная закрывала ее на крюкъ, сейчасъ горничная войдетъ, и тогда все потеряно. Вересовъ, не разсуждая больше, бросился къ шкану, открылъ его и просунулъ руку подъ ворохь бумагъ. Знакомый бумажникъ, который много разъ онъ видълъ у инженера, попался ему въ руки, и, не открывая его, Вересовъ

опустилъ въ карманъ, захлопнулъ дверцы шкапа и отскочилъ отъ стола. Горничная уже входила въ кабинетъ, съ удивленіемъ глядя на возбужденное блѣдное лицо Вересова. "Нътъ я не буду писать, я зайду потомъ, поспѣшно произнесъ Вересовъ, и, не глядя на горничную, схватилъ со стола шляпу и чуть не бъгомъ вышелъ изъ кабинета. Но едва только Вересовъ очутился на улицъ, какъ сознаніе совершеннаго преступлеужасомъ наполнило его душу. нія "Вернуться, вернуться", стучало дъ его головъ, «вернуться сейчасъ же и положить деньги обратно». Но съ другой стороны, какъ онъ объяснитъ горничной свое неожиданное возвращение? Что скажеть онъ ей, какъ положить деньги обратно? И вотъ Бересовъ ръшилъ завтра же пойти къ инженеру, отдать деньги ему самому и все объяснить, но вечеромъ того же дня онъ былъ арестованъ. Въ карманъ его брюкъ нашли, небрежно оставленный бумажникъ инженера съ 800 рублями. Все это вспомнилось Вересову теперь... Когда же, когда же началось «то», что сгубило его жизнь, что ввергло его сюда и словно заживо похоронило въ этомъ наменномъ мъшкъ." Ему представилось, какъ теперь, всв его бывшіе товарищи бодро и весело готовятся къ экзаменамъ, они на свободв, ихъ ждетъ что-то въ ихъ жизни, передъ ними вся она съ ея радостями. И онъ, Вересовъ, уже ничто для нихъ, ничто онъ и для Вфры, ничто и для Зины, которыя отдали свою жизнь и свою любовь твиъ самимъ Борису и Володъ, которые такъ презирали его. Онъ пойдутъ съ ними рука объ руку къ счастью. А онъ...? Какъ больно, какъ обидно! и за что? Замолкли шаги тюремнаго сторожа въ корридоръ, тихо, тихо кругомъ, все спить и, ночь дивная. темная, весенняя ночь, блестя алмазами своихъ звъздъ, спокойно, кротко смотрить въ крошечное окошечко камеры Вересова, и только неудержимыя, глухія, безумныя, человіческія рыданія нарушають ея молчаніе и красоту.

Чудра.

"С М Ѣ Х Ъ"

Въ нашъ въкъ, чуждый простоты и добродушія, слово смёхъ звучить, какъто одиноко, пустынно. Никто не внемлетъ ему, и беззвучно, холодно отдается онъ у насъ въ душъ. А, между тъмъ, глубокой простотой и силой, могучей властью въетъ отъ него. Зачъмъ живемъ мы такъ искусственно, создаемъ себъ какуюто жизнь-полную, съ одной стороны, кажется незыблемаго веселья-съ другой, обвъянную ледянымъ дыханіемъ смерти. Каждое слово подвергается анализу, контролируются всв наши чувства и мысли путемъ запутанныхъ вопросовъ и разсужд-ній, въкоторыхъ мы теряемся и съ какимъ то трепетнымъ тайнымъ испугомъ бъжимъ къ выдуманному, напускному веселью. Пугливо мы ищемъ хоть искорку этого веселья у насъ въ душъ и не находимъ. Но разъ нашли, и лишь только замътили, что намъ живется легче, что веселве смотримъ на жизнь, какъ снова стараемся заглушить это веселье и со страхомъ думаемъ

про себя: "весело и спокойно на свътъ живется только пошлякамъ". И вотъ беззаботное и спокойное состояние духа смъняется слезами и тоской, и бъжимъ мы отъ людей въ свой внутренній міръ къ самоанализу, который есть върнъйшій путь къ сумасшествію. Но разъ въ человъкъ пробудилось сознание своей беззаботной пустой жизни, то пусть совершенствуетъ онъ ее не самоанализомъ, не самовозвышеніемъ, а громкимъ, испреннимъ смъхомъ. Смъхъ, дъйствительно, великая вещь—смъхъ, добродушный, снисходительный, есть воплощен'е всвхъ добродвтелей человвческой души. Смъйся сквозь смъйся весело, беззаботно надъ нелъпыми правилами жизни, см в ся, какъ ребенокъ, заражай этимъ смѣхомъ другихъ, и легче будетъ жить-свободнъе вздохнетъ мозгъ, утомленный въ безплодразгадать великую ныхъ попыткахъ тайну человъческаго бытія.

Съверикъ.

О великомъ значеніи воды.

Кто жилъ хоть недолго на югъ Россіи. въ Крыму, на Кавказѣ или въ обширныхъ степяхъ Украйны, тотъ, думается мнъ, обратилъ внимание на въчный недостатокъ воды, на постоянныя заботы и разговоры жителей о дождъ, на тяжелыя ожиданія того же дождя, необходимой и спасительной влаги. Но и тотъ, кто сколько нибудь знаетъ нашъ съверъ съ его болотами и съ дожливымъ лътомъ, кто знакомъ съ количествомъ болотъ полярной Россіи, съ жаркимъ, знойнымъ климатомъ Туркестана, тотъ увидитъ громадное значеніе воды, пойметь ея великую роль. Въ тяжелыхъ условіяхъ русской природы вода является могучей силой, то

неумолимой и грозной, то благодатной и спасительной "Вода, это сила великая, природная сила, ужасная и своимъ излишествомъ и своимъ недостаткомъ, сила, которую надлежитъ покорить России на будущихъ путяхъ культуры"*...

Осущаются наши съверныя болота, орошаются громадныя южныя степи, извлекается энергія падающей воды, а борьба то за покореніе могучей стихіи только начинается. Сколько водъ имѣютъ цълебныя свойства, врачуютъ человъческіе недуги, исцъляютъ болѣзни, сколько воды служитъ обыкновеннымъ необходимымъ питьемъ человъка и

^{*)} Проф. Вейсманъ.

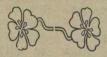
вевхъ живыхъ тварей и наконецъ, сколько водъ служитъ вмъстилищемъ отбросовъ фабрикъ, городовъ и заводовъ. Но нужно отличать эти воды, нужно умъть

очищать, исправлять ихъ...

Итакъ борьба со стихіей воды только завязывается; пожелаемъ же ей не остановиться на первыхъ же шагахъ. Пусть широкія перспективы гидрологической науки, недостижимыя безъ проникновенія во всѣ детали химическаго состава, какъ капли воды, такъ и гро-

мадныхъ водныхъ глубинъ, будутъ достигнуты. Тогда великая задача возложенная на Россію, будетъ исполнена; упростится и облегчится жизнь обитателей и болотнаго сѣвера и сухого юга нашей родины. Тогда ужъ не будетъ ни вѣчнаго, томительнаго ожиданія дождя въ одной мѣстности, ни мучительныхъ н пряженій и усилій къ осушъкѣ другой.

Ученица 8 класса Е. С.

Критика на "Письмо".

Въ эти тяжелые дни болъе, чъмъ когда нибудь "нужно, во что бы то нистало, нужно слиться съ толной, ненавидъть и страдать, любить и надъяться не во вмя своего я, все, пожирающаго и ничего взамъть не дающаго," потому, что теперь эта огромная толпа—нашърусскій народь, такъ много страдаеть однимъ горемъ. горить однимъ желаніемъ. Долгъ каждаго въ эти дни взять на себя часть тяжелаго бремени нашего народа, Но, что же мы видимъ вокругъ?

Молодежь, которая должна бы отзывчивъе другихъ относиться къ страданіямъ окружающихъ, равнодушна или дальше словъ о своемъ желаніи никуда не идетъ. "Письмо," помъщенное въ послъднемъ номеръ нашего журнала, можетъ дать понятіе о настрооніи молодежи, жаждущей дъятельности, но ничего не дълющей. Въ этомъ пнсьмъ" дъвушка излагаетъ причины, заставившія ее умереть. "Письмо" полно мрачныхъ, безотрадныхъ воззръній на жизнь.

Причина, заставившая ее умеретьэто, чувство своего ничтожества, ненужности, которое стоить рядомъ съ желаніемъ "быть полезной кому-нибудь, осущить слезы чьи-нибудь". Повидимому, это желаніе принести пользу велико, потому что человѣкъ рѣшается умереть, такъ какъ не можетъ исполнить своего желанія. Но развѣ невыполнимо желаніе "осушить слезы чьи нибудь? Сколько людей окружаетъ насътеперь, которые нуждаются въ утѣшеніи и поддержкѣ! Сколько малютокъ, оставлихся безъ крова, безъ теплаго слова любви! Развѣ для этихъ дѣтей мы не найдемъ ни одного горячаго слова участія? Или Вамъ мало этого дѣла? А хочется "большого," великаго дѣла?

Но въдь для того, чтобы совершать обльшія дъла, нужно много и много знать, а для этого необходимо много учиться, много работать надъ собой.

Странно желать чего то неизв'ястнаго, не видя того, что совершается рядомъ! Что же будеть тогда, когда вс'в мы, желая принести пользу людямъ, но ничего не сд'влаемъ, а только лишимъ себя жизни?

"А жизнь? Развъ это не тайна, не загадка?" говорите Вы: какъ много въ ней мучительно загадочнаго, заманчивострашнаго!" А если бы жизнь не была такой загадкой, то развъ интересно бы было жить? "Да и какъ жить? Въ чемъ смыслъ жизни?" Ставите Вы вопросы. "Жить," говорить Ибсенъ; "это значитъ сердцемъ и умомъ бороться съ темными силами". Я съ нимъ вполнъ согласна: что можетъ быть выше въ человъческой жизни борьбы съ "темными сто-

ронами ея?" то что дъйствительность жестоко, уродливо ворвется въ нашъ радужный міръ" извъстно намъ и тъмъ лучше, потому, что мы будемъ знать, что встрътимъ сильный отпоръ, а зная это, не вступимъ въ борьбу со слабыми силами. Побъдить в пол н в мрачную дъйствительность намъ не удается.

Но, я думаю, лучше погибнуть во время битвы, чъмъ кончить самоубійствомъ изъ-за того, что дъйствительность не удовлетворяеть, а отстаивать радужный міръ" нъть силь или погрузиться "въ тину нечистую мелкихъ помысловъ, мелкихъ страстей". Далве Вы говорите, что ничего не можетъ сдълать одна, "а если бы у Васъ былъ другъ, который бы понималъ Васъ, съ которымъ бы Вы могли идти рука объ руку, тогда можетъ быть Вы не чувствовали бы себя лишней, Вфроятно этотъ другъ нуженъ Вамъ для того, чтобы онъ поддержалъ Васъ во время неудачъ и направилъ бы на тотъ нуть, который Вы ищете. Вы желаете имъть друга сильнъе Васъ, но почему бы не испробовать Вамъ быть такой же сильной, едфлаться другомъ другихъ, еще болве слабыхъ, чвмъ Вы?

По Вашему мнѣнію "люди,— это жестокіе эгоисты, которые часто остаются равнодушными передъ мольбой и протягивають руку помощи, когда уже поздно". Могуть ли люди "жестокіе эгоисты" протягивать руку помощи хотя бы тогда, "когда уже поздно". "О,

какъ много чесправедливостей въ жизни", восклицаете Вы. Дъйствительно, много, но постарались ли Вы, чтобы ихъ было меньше? боролись ли съ ними? Васъ ужасаетъ зло жизни и вы не видите ни одной искры свъта, добра. А между тъмъ вы говорите, что вщете "свътлое" въ жизни. Какого свъта вы ищете? свъта, который горълъ бы ярко и никогда бы не гасъ, но неужели, если вы искали его, то не могли заметить, что онъ есть въ каждой душв человвка, хотя часто не ярко онъ горитъ, а иногда чуть мерцаетъ. Но, и чуть мерцающій св'ять, нужно только ум'ять раздуть, тогда онъ разгорится въ пламя.

"Нътъ, никотда видно мнъ не вырваться къ свъту" вырывается безнадежный, отчаянный вопль: "тогда лучше умереть, чъмъ влачить это жалкое прозябаніе!" Да и рвались ли, борелись ли вы? Если боролись за этотъ "свътъ", то развъ жалкое прозябаніе" эта борьба? Можетъ быть вы только возмущались въ душъ, говорили, но не дълали.

Таково наше "молодое поколъніе" которое не знаетъ юности". Молодежь, не только часто не въритъ въ людей, но холодна и къ религіи. У нея нътъ ничего святого, она ни къ чему не привязана и покамъстъ жизнь даритъ улыбки-она живеть, а если случится несчастіе, то, повинуясь минутному порыву отчаянія, она бросаетъ жизнь.

Логосъ.

Хроника.

Въ 1 Женс. Гимназіи № 5 нашего журнала выходить съ запозданіемъ вслѣдствіе того, что пришлось ходатайствовать у г. Губернатора о разрѣшеніи печатать журналь въ типографіи "Зауральск. Кр." т к. типографія "Художественная Печать" закрылась.

Послъ Рождества прошлаго учебн. года

перешелъ въ Сарапульс. Реальное Училище преподаватель физики и естествен, исторіи Геор. Тр. Пушкаревъ, который пользовался большой любовью учащихся, и его уходъ вызвалъ съ ихъ стороны глубокое сожалѣніе. Почти одновременно съ Г. Т. Пушкаревымъ ушелъ преподаватель космографіи Н. И. Снегиревъ, поступившій въ Петрогр, Владимірское военн. училище. Въ концѣ минувшаго уч. года уроки физики и естеств. исторіи

Mc1061

были распредвлены между слвдующими преподавателями; Е. А. Померанцевой, Е. Е. Колосовой и Н. И. Петровымъ. Послвдніе двое въ настоящемъ учебн. году оставили службу въ 1 Женс. Гим назіи, а естеств. исторію преподаетъ Е. А. Померанцева, а на уроки физики вновь назначена О. Н. Апыхтина.

Во II женской гимназін. Во время л'йтнихъ каникулъ скончалась преподавательница математики А. В. Евладова.

Въ мужской гимназіи На м'всто переведеннаго въ Кафедральный Соборъ гор. Шадринска законоучителя о. Н. Будкина, расположившаго къ себъ учениковъ сердечнымъ отношеніемъ и заслужившаго ихъ искреннее уваженіе, назначенъ о. А. Игнатьевъ Съ нсменьшимъ сожалѣніемъ проводили, учащіеся Г. О. Клера, получившаго назначеніе на должность директора среднеучебнаго заведенія въ Бълорѣцкій заводъ; новый преподаватель естествен, исторіи и географіи—С. И. Зоринъ.

Открытіе новой прогимназіи. 1 сентября въ Екатеринбургъ открылась новая женская прогимназія Е. Н. Смиренской.

6-го сентября исполнилось 40 лѣтъ педагогической дѣятельности, въ 1 Женс. Гимназіи помощницы начальницы Ю. Ф. Жилевичъ Педагогическій персоналъ и ученицы привѣтствовали юбиляршу и поднесли цвѣты и подарки. Съ 12 ти часовъ по случаю юбилея занятія въ

гимназіи прекратились.

Въ концѣ августа возобновились собранія физико-математ. кружка, а съ начала сентября—литературнаго. Въ первомъ въ составъ пресидіума вошли: Е. Станищева, А. Пименова, Ф. Цивкина и Е. Федосѣева, а во второмъ въ составъ президіума были выбраны: Т. Пыжева, В. Гаврилова и Л. Новикова. 26 го сентября состоялось первое организаціонное собраніе вновь открывающагося историческаго кружка, въ его правленіе вошли: Е. Осинцева, А. Трапезникова и Е. Лесневская.

firm particulations werely and evening, and avergon, and avergon of the state of th

AND THE CONTRACT OF THE PART O

Orning I wisepeared aroun instants

der in it wisepeared around it is early

whereast approximation of the Companion of the companion

derivative contribute around restrict the Companion

the contribution of the companion of the companion

Attendated being companion of the companion

of the companion of the companion of the companion

of the companion of the companion of the companion

and the companion of the companion of the companion

of the companion of the companion of the companion

is a companion of the companion of the companion

of the companion of the companion of the companion

of the companion of the companion of the companion

of the companion of the companion of the companion

of the companion of the companion of the companion

of the companion of

Sweeth is it resemped represent the representation

